

ных адчуванняў каханага. А таму гэты катэгарызм выступае пераходнай з'явай, што нараджаецца зменлівымі настроймі і выявамі рэфлексіі.

Як гаворыць З. Фрэйд, «першы шлях развіцця жаночага — развіццё моцнага комплексу мужнасці, другі шлях — зрух у бок пасіунасці, што адкрывае паварот да жаночкасці» [1, 91]. Дадзеная псіхалагічная інтэрпрэтацыя З. Фрэйда добра кладзецца на характарыстыку лірычнай гераіні Я. Янішчыц. Калі у вершы «Золушка» адбылася рэпрэзентацыя жаночай сутнасці праз якасці фемініннага, то у вершы «***Я адна глытаю і журбу, і горыч...» — жаночай суб'ектыўнасці з комплексам мужнасці: адштурхоуваецца «інаковасць» каханага, які не перахварэу тымі ж негатыўнымі пачуццёвымі афектамі, што і яна. Жаночая пачуццёвасць не стала зместам кахання мужчыны, і у іх адносінах гэта вылілася у канфлікт жаночага і мужчынскага. Комплекс мужнасці наклаўся на параненую несупадзеннямі жаночую душу і замацаваўся ў натуры лірычнай гераіні надоўга. Аднак пазней ён трансфармуецца ў комплекс віны «ці ўмею я кахаць» (верш «Жанчыне, якая будзе жыць у XXI стагоддзі»). А гэта ўжо асобная глава тэксту кахання Я. Янішчыц.

Такім чынам, у першых творах Я. Янішчыц зададзены каардынаты дачыненняў «Яе» і «Яго», у якіх яшчэ не створана «словае» поле прыцягнення душ. У гэтых адносінах адсутнічае пазіцыя інтэр- і прэвалюе інтравертная пазіцыя гераіні, пазначаная рэфлексіяй і комплексамі. Нягледзячы на гэта, можна сцвярджаць, што першыя творы актуалізавалі «фемінінныя» якасці паэтычнага таленту Я. Янішчыц, якія набылі развіццё ў зборніках паэтэсы.

Літаратура

1. Фрэйд З. Психология сексуальности /Под ред. Н. С. Данилова. — Вильнюс, 1987.

Т. Е. Комаровская. Минск

КОНФОРМИЗМ И НОН-КОНФОРМИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНИСТИКЕ

В начале апреля на Кипре под эгидой Кипрского университета проходила международная конференция, организованная Европейской Ассоциацией Американских Исследований на те

му «Конформизм, нон-конформизм и антиконформизм в американской культуре». Я принимала участие в работе этой конференции, руководила работой секции, которую сама же и создала, предложив (за год до конференции) тематику ее работы и тщательно отобрав из 30 8 заявок. Доклады, прозвучавшие в рамках моей секции «Конформизм и нон-конформизм в американской женской литературе XIX и XX веков», многочисленные параллельные лекции, прочитанные на конференции не только дают достаточно полное представление о процессах, протекающих в настоящее время в американской литературе, в американской культуре, но и имеют самое непосредственное отношение к проблемам, которые мы изучаем и в отечественной литературе. Ведь только у государства есть границы, но их нет в культуре, в литературе, и то, что отмечает развитие литературы в одной стране, в методологическом плане, и даже идеологически, культурологически, не может не соотноситься, не находить отражения в процессах, протекающих в отечественной литературе, и следовательно не должно быть безразлично нам.

В рамках моей секции были заслушаны многие интересные доклады. Хелен Марагоу (Афины) в своем докладе «Бунтовщик» автор/наемное перо: Луиза Мау Элкотт и популярная литература середины века» убедительно показала, что насилие и эротика рассказов Элкотт — явное желание автора идентифицировать себя с героинями, которые переступают через поведенческие барьеры, установленные обществом, и даже отвергают нравственные нормы, все то, что воспринимается феминистской критикой как бунт писательницы против жестких рамок феминной модели поведения, в то же время было проявлением конформизма по отношению к законам литературного рынка, требовавшего от литературной продукции «сенсации». Вместе с тем очевиден факт, невозможный для восприятия в рамках сугубо феминистского литературного подхода, что рассказы писательницы, отвергающие нравственные законы и подвергающиеся сомнению рациональное восприятие, являются отражением культуры, потерявшей свои прежние нравственные ориентиры в ходе Гражданской войны.

Инна Бергман (Германия) в докладе «Тело и душа женщины, ум и сила мужчины» — «Гермафродит» Джулии Уорд Хау к автопортрет женщины-писательницы в XIX веке» доказывала, что романизованная биография двуполой героини является автопортретом автора, самой Джулии Хау, а ее бисексуальность — метафора, призванная выразить сложность жизненной позиции писательницы, ее метания между традиционной

женской ролью жены и матери и положением художника в чисто мужской, в XIX веке, сфере деятельности. Для воссоздания психической жизни героини, идентичной, по мнению докладчицы, психической жизни самой Джулии Хау, были использованы феминистская теория и теория перфоменса.

Мишель Уэа (США) в докладе «Больные мужчины как метафора в рассказах Эдит Уортон», отмечая, что литературе XIX века была свойственна больная героиня, жалкая и никчемная в своей болезни (*invalid-in-valid*-лишенный ценности), но не герой, раскрывая внутреннюю форму слова «никчемный», заменяя больную героиню больным героем, наделяет его болезнь метафорическим смыслом, и больной герой, постоянно встречающийся в ее рассказах, становится воплощением бессилия, выражением моральной и физической трусости, душевной глухоты и эпистемологической неуверенности. В подобном изображении мужских персонажей Эдит Уортон содержится вызов писательницы мужской культуре ее эпохи с уничижительным отношением к женщине.

Грегори Томсо (США) в докладе «Взрыв мороза: эротика нон-конформизма в трех рассказах Мэри Уилкинс Фримен» представляет писательницу как одного из крупнейших критиков социального конформизма рубежа веков и заостряет внимание на нетрадиционной сексуальной ориентации, которой писательница наделяет своих героев и изображению которой уделяет повышенное внимание. Автор доклада считает эту особенность рассказов Фримен своеобразным выражением основной доминанты ее творчества, направленного на критику буржуазной морали и социальных отношений.

Доклады, посвященные литературе XIX века, отличались мастерским владением различными современными литературоведческими теориями, от психоанализа до феминистской теории и перфоменса, но авторы их затруднялись в ответах на столь простые и естественные вопросы с моей стороны, как «Кто продолжил тенденции, наметившиеся в творчестве вашей писательницы, в XX веке?» «Какое развитие получила заявленная тема в дальнейшем?» «Кого вы видите в качестве предшественницы вашей писательницы/поэтессы в литературе?» Подобная постановка вопросов с моей стороны вызывала реакцию словно бы литературного открытия — как, оказывается, продуктивно и интересно так рассматривать литературное произведение. И снова, как и 9 лет назад в США, я пришла к выводу, что западное литературоведение, достигнув больших успехов в исследовании и интерпретации отдельно взятого литератур:

ного произведения или отдельных аспектов творчества того или иного писателя, особенно проблем психологии личности или анализа художественной формы произведения, утратило нечто очень важное: умение видеть исследуемый феномен в контексте литературного развития, умение воспринимать развитие литературы как процесс — умение, возможное только при использовании наиболее общей методологии литературоведческого исследования, традиционного культурно-исторического, историко-литературного метода. Именно эта методология может обеспечить исторический ракурс литературному исследованию, может послужить универсальным инструментом при изучении общих вопросов литературного развития, может обеспечить более глубокое и многостороннее постижение и его общей картины, и творчества отдельных писателей — на его фоне. Остальные литературоведческие подходы прекрасно решают частные проблемы, более узкие задачи литературоведческого исследования и должны сочетаться с этим, основным. Кстати, когда я стала говорить об этом на конференции, именно американские ученые поняли меня первыми и согласились со мной. И это не случайно. Традиционный культурно-исторический, историко-литературный метод, в том или ином варианте, внутренне не чужд литературоведению США. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить историю американского литературоведения XX века, которая и началась, по сути дела, с «бунта» группы молодых литераторов против общественных и творческих традиций, против пуританизма бостонской школы «нежного реализма», который литераторами и литературоведами-бунтарями воспринимался как пугы, сдерживающие свободу творчества, свободу самовыражения. Наиболее выдающимися литературоведами-бунтарями 10—20-х годов были Р. Борн, В. В. Брукс, Ф. Делл, Г. Менкен. Правда, следует отметить, что сочетание марксистских взглядов на литературу и искусство с положениями других учений, часто прямо противоположных марксизму, было весьма характерно для бунтарей начала века. В 20-е годы усиливаются позиции марксистской критики как самостоятельного течения в литературоведении США, ее представляют В. Калвертон (журнал «Модерн Квотерли»), М. Голд («Нью Мэссиз»). В 30-е годы «великая депрессия» резко усилила интерес к марксизму со стороны литературной интеллигенции США, и в течение «красной декады» марксистская критика стала одним из ведущих направлений в литературоведении.

После II мировой войны, в неблагоприятных для развития критики условиях усиления идеологической конфронтации,

литературоведы-марксисты (С. Финкельстайн, Дж. Г. Лоусон, Дж. Норт, Ф. Боноски, Г. Лерой) создали ряд заметных литературоведческих работ, посвященных исследованию тех аспектов литературного процесса и общественной жизни США, которые были обойдены вниманием представителями других методологий. И в настоящее время у нас есть все основания констатировать тот факт, что социологический подход к литературе, включающий в себя марксистскую критику, является одним из самых традиционных и стойких на протяжении всего XX века, не уступающих своих позиций, несмотря на бурное развитие других методологий в литературоведении США. Признание этого факта — в том, что социологическое направление в литературоведении было включено в качестве одного из пяти самых влиятельных в широко известную книгу «Пять подходов литературной критики» (1962) [1]. Известный специалист по изучению литературоведения Англии и США профессор А. С. Козлов считает, что без элементов социологической критики практически невозможно ни одно исследование, и что даже «новые критики», структуралисты и семиотики так или иначе выходят на «социологию литературы» [2]. Поворот американского литературоведения к традиционной методологии отечественного литературоведения я ощутила в США еще 9 лет назад, проведя там полгода в качестве Фулбрайтовского профессора в Университете штата Массачусетс.

Доклады, посвященные американской женской литературе XX века, отвечая главной теме секции, довольно широко представили как основные историко-социальные явления: «Ангел вне дома: поэтессы нон-конформисты поколения битников» (Кармен Гарсиа Мендес, Испания), так и основные эстетические моменты ее развития, и основные темы, свойственные феминистской литературе: «Эмансипация приходит изнутри» — поэтесса и проблема нон-конформизма в произведениях Марианны Мур и Гертруды Стайн» (Паулина Амбрози, Польша); «Конформизм и нонконформизм понятий сакрального в литературе чиканос» (Марианна Мессмер, Нидерланды), «Тема материнства в творчестве Грейс Пейли» Анналузия Аккардо, Италия). Я не буду говорить сейчас об этих докладах, какими интересными они бы ни были, потому что хочу остановиться на одном, наиболее значительном докладе, посвященном самой актуальной проблеме современного мира и не могущим, вследствие проблемы, рассматриваемой в нем, оставить и нас равнодушными, потому что тема, дебатлируемая в этом докладе — формирование национальной идеи.

Доклад Роберта Миккелсена «Большой шаг вперед: Мы и Они» [3]. Проблема «Я» и «Другой» — одна из наиболее актуальных для современной культурологии. Рассматривается она и в экзистенциализме, и постмодернистами (Локан). Трактовка ее в докладе Миккелсена лишена упомянутых выше философских наполнений. Доклад ученого полемически заострен против книги профессора Хантингтона «Кто мы? Спорный вопрос Америки». Профессор Сэмюэль Хантингтон — фигура знаковая в американской науке и жизни последнего десятилетия. В 1997 году он выпустил книгу «Столкновение цивилизаций и передел современного миропорядка», в которой утверждал, что столкновение различных сил на мировой арене во второй половине XX века является результатом столкновения не различных идеологий или религиозных течений, но цивилизаций. Эта теория сразу же получила широкое применение в различных областях гуманитарной науки США и, увы, доказала свою правоту после 11 сентября и других событий, происшедших как в США, так и во Франции, в ряде европейских стран совсем недавно.

В своей новой книге «Кто мы?» профессор Хантингтон отвергает понятие американской нации как нации, основанной на культурном плюрализме и идеологически сформированной гражданской культуре, служившее в течение последних 50 лет; **у**станавливает новые культурные нормативы для определения американской нации и разделяет нацию на тех, кто этим стандартам соответствует и тех, кто не соответствует. Делает он это по его собственным словам для поднятия патриотизма и национальной сплоченности после событий 11 сентября.

Профессор Миккелсен так определяет тему своего доклада: 1) рассмотреть спор об американской сущности (identity) в историческом ракурсе; 2) проследить этот спор в контексте взаимоотношений Америки с миром. Он напоминает, что европейское понятие нации, в основе которого кровное родство, общие ценности, общность языка, территории и религии для США не подходит. Страна была создана актом политической воли (Декларация Независимости) и посредством свода политических правил (Конституцией). Именно эти 2 документа дали идеологическое обоснование американской identity. С начала своего существования страна включала множество этнических групп с различными ценностными понятиями и языками. Ее территория постоянно расширялась, а гражданство получали все прибывающие в страну. Правда, с начала существования страны определение американской идентичности колебалось

между двумя полюсами: эксклюзивная монокультура, с одной стороны, и мультикультурализм, с другой. И этот спор не был сугубо академическим. Ядро его составляла борьба за власть, за право делить нацию на «Нас» и «Их», на своих и чужаков.

Ксенофобия и лозунг 100% американизма достигли пика в 1917 году, после вступления США в Первую мировую войну. Тогда и был провозглашен лозунг главного, 100% американца — БАСП.

Идейная реакция последовала со стороны PIGS (юмористическое сокращение, имеющее в виду поляков, итальянцев, греков и славян, которых первое определение принижало в культурном и национальном аспектах. Они выдвинули лозунг культурного плюрализма как основы американской сущности. Америка виделась им как ассоциация равных этнических групп, удерживаемых в составе одного целого идеологическими нормами гражданского общества. В основе подобного союза лежит полное равенство. Что же касается идеологических норм, то они включали свободу, эгалитарность, индивидуализм, демократию и приоритет закона, определяемого конституцией. Именно это понятие американской идентичности официально было признано определяющим нацию после Второй мировой войны — и до настоящего времени. И сейчас профессор Хантингтон, пытаясь поднять патриотический дух американцев, снова выдвигает понятие монокультурной нации, американской нации, основанной на англо-протестантской культуре, главными элементами которой являются английский язык, христианство, религиозность, вера в протестантские ценности.

Основной вопрос книги Хантингтона — «кто мы?». По его мнению, американской идентичности угрожают не только «Они», чужаки, не соответствующие его определению американской идентичности, но и те «настоящие» американцы, которые теряют свою англо-протестантскую американскую идентичность в мире, так быстро становящимся глобализованным. И в книге Хантингтона подробно проанализированы три группы представителей национальной элиты, которые предают национальную американскую идентичность.

Профессор Миккелсен ставит подобное обвинение против интеллектуальной элиты страны в один ряд с реакционными преследованиями и обвинениями в антиамериканской деятельности времен маккартизма, и вспоминает другие периоды в жизни страны, отмеченные господством реакции. Но, предупреждает он, никогда еще страх перед внешним миром не определял до такой степени самоощущение нации.

В своем докладе профессор Миккелсен характеризует себя как либерала, интернационалиста, космополита, ученого, демократа, американца, живущего за рубежом, и с этих своих позиций он отвергает парадигму национальной идентичности, предложенную профессором Хантингтоном, и предупреждает против нее как против идейного оружия правых, реакции, которая неминуемо повлечет за собой ущемление демократических свобод. Он предупреждает против прогрессирующего изоляционизма внешней политики США. И завершает свой доклад словами: «Я верю, что взаимодействие культур может их взаимно обогатить и принести обоюдную пользу, и этот принцип справедлив как для мультикультурных обществ, так и в отношениях наций с различными культурными моделями».

Так, в очередной раз за 230-летнюю историю страны, происходит пересмотр понятия американской идентичности.

Літаратура

1. *Five Approaches of Literary Criticism.* /Ed. by Scott W. N, Y., 1962.
2. Козлов А. С. *Литературоведение Англии и США XX века.* — Симферополь, 1994.
3. *Электронные материалы докладов, представленных на конференции EAAS 2006 г.*

В. У. Карачун. Мінск

ТВОРЧАСЦЬ Я. КОЛАСА У ПРАЕКЦЫІ НА СУЧАСНАСЦЬ

(З вопыту падрыхтоўкі каментаванага выдання лірыкі
1939—1945 гг. у Зборы твораў пісьменніка)

Спытаю, а вы адкажыце:
Што ёсць час? [1, с. 39].

Гэтыя філасофскія радкі, якія могуць прэтэндаваць на асобны лірычны твор, зафіксаваны класікам беларускай літаратуры Якубам Коласам сярод іншых аўтаграфічных запісаў прыватнага архіва, які беражліва захоўваецца зараз нашчадкамі паэта. Слова невядомыя, яны нідзе раней не згадваліся і упершыню ўдуюць апублікаваны ў адным з тамоў лірыкі новага, пашыранага Збору твораў, працэс падрыхтоўкі якога заканчваецца ад-